

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Э. Ахапкина (Москва)	
Эрратологическая разметка Корпуса русских учебных текстов: тактические решения	9
М. Д. Воейкова (Санкт-Петербург)	
К вопросу о маркированности русских видовых форм в сослагательном наклонении.	21
О. И. Глазунова (Санкт-Петербург)	
Алгоритмические модели как принцип описания языка и построения речи	38
П. В. Гращенков (Москва)	
Прилагательные в русской именной предикации	51
М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)	
Распад подчинения и лексикализация предикативной структуры	66
Анна А. Зализняк (Москва)	
Загадка полисемии слова КРОМЕ	77
О. Ю. Инькова (Женева, Швейцария)	
Система связующих средств русского языка: состав и методы описания	89
И. Б. Иткин (Москва)	
Новатор Жуковский и архаист Пушкин (два этюда из истории русского поэтического языка)	102
В. В. Казаковская (Санкт-Петербург), Н. К. Онипенко (Москва)	
Функциональные возможности русских вводно-модальных слов в речи взрослых и детей	121
И. М. Кобозева (Москва)	
Калейдоскоп составных союзов непосредственного предшествования в русском языке: пока не признанные, но уже функционирующие союзы	134
С. А. Крылов (Москва)	
Опыт сопоставления подходов к выделению грамматических классов слов и грамматических категорий русского языка. Часть I. (§ 0. Вводные замечания. § 1. Попытка непосредственного сопоставления неоструктуралистского подхода с предшествующими ему традиционными подходами)	146
Г. И. Кустова (Москва)	
Об одной стратегии кодирования неагентивного субъекта	186
Е. М. Лазуткина (Москва)	
Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление	201
И. Б. Левонтина (Москва)	
Об экспансии винительного падежа в количественных оборотах.	216
А. Б. Летучий (Москва)	
Падеж ниоткуда (неструктурное копирование падежа)	230
Е. А. Лютикова (Москва)	
Островные ограничения в свете экспериментальных данных	251
И. Мендоза (Зальцбург, Австрия)	
Маркирование объектов относительных придаточных предложений в славянских языках	272
Н. М. Стойнова (Москва)	
Вариативность в глагольной префиксации: дериваты на ДО- и ПЕРЕ-	284
Тискин Д. Б. (Санкт-Петербург)	
<i>Ни-</i> и <i>ни...</i> <i>ни</i> : дистрибуция и условия лицензирования	300
Е. В. Урысон (Москва)	
К определению видовой пары: глаголы НСВ в сценических ремарках	311
И. А. Шаронов (Москва)	
ВОТ ВЕДЬ И НАДО ЖЕ! Путь от конструкции ко вторичному междометию	325
А. Д. Шмелев (Москва)	
Когда и как можно исправлять ошибки в грамматических описаниях.	334

CONTENT

Yana E. Akhapkina (Moscow)	
Erratorical marking of the textbook corpora: tactical solutions	9
Maria D. Voeikova (Saint Petersburg)	
On the markedness of Russian aspectual forms in subjunctive	21
Olga I. Glazunova (Saint Petersburg)	
Algorithmic models as a principle of the language description and the speech formation	38
Pavel V. Grashchenkov (Moscow)	
Adjectives in Russian nominal predications.	51
Mikhail Ja. Dymarskij (Saint Petersburg)	
Subordination decay and lexicalization of a predicative structure.	66
Anna A. Zalizniak (Moscow)	
The enigmatic polysemy of Russian KROME.	77
Olga Yu. Inkova (Geneva, Switzerland; Moscow)	
System of conjunctive tools in Russian: structure and description	89
Il'ya B. Itkin (Moscow)	
Zhukovsky the innovator and Pushkin the archaist (two studies from the history of the language of Russian poetry)	102
Viktoriya V. Kazakovskaya (Saint Petersburg), Nadezhda K. Onipenko (Moscow)	
Functionality of parenthetical modal words in the speech of adults and children	121
Irina M. Kobozeva (Moscow)	
The kaleidoscope of compound conjunctions of immediate anteriority in Russian: as yet unrecognized but already functioning conjunctions.	134
Sergey A. Krylov (Moscow)	
Experience of comparison of approaches to the distinguishing of grammatical classes of words and grammatical categories of the Russian language. Part I. (§ 0. Introductory remarks. § 1. An attempt to directly compare the neostructuralist approach with the traditional approaches preceding it)	146
Galina I. Kustova (Moscow)	
A coding strategy for non-agentive subjects	186
Elena M. Lazutkina (Moscow)	
Syntagmatic class of verbs: definition and calculation.	201
Irina B. Levontina (Moscow)	
On the expansion of the accusative in quantitative expressions.	216
Alexander B. Letuchiy (Moscow)	
Non-structural case copying.	230
Ekaterina A. Lyutikova (Moscow)	
Experimental perspective on island constraints	251
Imke Mendoza (Salzburg, Austria)	
On the relativization of objects in the Slavic languages.	272
Natalia M. Stoynova (Moscow)	
Variation in verbal prefixation: Russian DO- and PERE-	284
Daniel Tiskin (Saint Petersburg)	
<i>Ni-</i> and <i>ni... ni</i> in Russian: distribution and licensing condition	300
Elena V. Uryson (Moscow)	
Towards a definition of the verbal aspectual pair: imperfective verbs in stage directions.	311
Igor A. Sharonov (Moscow)	
Vot VED' and NADO ZHE! The transition path from syntactic construction to secondary interjection	325
Alexey D. Shmelev (Moscow)	
Inaccurate grammatical descriptions: can one correct them?	334

Я. Э. Ахапкина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
yakhapkina@hse.ru*

ЭРРАТОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА КОРПУСА РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ: ТАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Созданный школой лингвистики ФГН НИУ ВШЭ Корпус русских учебных текстов включает спонтанные (выполненные в аудитории) и подготовленные (домашние) работы студентов бакалавриата в жанрах ответа на вопрос, аргументированного суждения, эссе, курсовой работы. Студенты, осваивая академический регистр, проходят разные стадии формирования представлений об организации учебно-научного текста. На каждом этапе интерференция стилей и жанров, разнородный характер получаемых речевых образцов и слабая редакторская рефлексия приводят к возникновению неизбежных системных ошибок в сфере грамматики и грамматической стилистики, семантики и прагматики текста. Отклонения от речевого стандарта отражают как стадиальность формирования навыка исследовательского письма, так и процессы, характерные для динамики речевой системы в целом, становления новых узуальных норм на осколках норм устаревающих, демонстрируют границы вариативности слово- и формоупотребления. Эти отклонения маркируются системой тэгов, разработанной и оптимизированной командой Корпуса (Н. А. Зевахиной, С. С. Джакуповой, Ю. М. Кувшинской, С. Ю. Пужаевой при активном участии коллег и студентов). Эрратологическая разметка включает лексические, грамматические, дискурсивные пометы. Грамматический блок отражает частотные отклонения от морфологических и синтаксических канонов, связанные с расшатыванием ряда конструкций. Так, отдельную проблему представляет расширение круга легких глаголов (десемантизованных единиц, обслуживающих синтаксические потребности высказывания и делегирующих лексическое значение управляемому слову), выбор падежа управляемого имени, компаративные и интенсифицирующие конструкции, анафорические употребления. В статье рассмотрены конкретные примеры, снабженных тэгом «нарушение в согласовании»

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

(agr). Обсуждается мотивировка разметки при выборе маркера для фрагмента высказывания.

Ключевые слова: лингвистический корпус, корпус нестандартной речи, русские учебные тексты, согласование, вариативность, рекомендательная норма

Разметка коллекции Корпуса русских учебных текстов (http://web-corpora.net/learner_corpus/) включает маркирование речевых сбоев относительно рекомендательной нормы. Нарушением согласования считается не только отступление от норм соотношения по роду, числу и падежу зависимого слова с главным, но и отступление от правил координации, тяготения, аппликации [Валгина 2003: 55–58; Грамматика 1970: 548, 633; Булаховский 1952, 1: 287; Распопов 1970: 40]. В эту же рубрику попадает нарушение анафорической связи (семантическое согласование, согласование по смыслу) [Розенталь и др. 1999; Лаптева 2003; Голуб 2010]. Маркируется как грубое нарушение нормы, так и вариативное грамматическое оформление.

Анализ нестандартной речевой продукции, неизбежно содержащей как осознанные, так и неотрефлексированные пишущим отклонения от рекомендательной нормы, позволяет выявить тенденции развития современной речи [Пужаева и др. 2015; Dzhakupova et al. 2014; Zevakhina et al. 2015a, b]. Кроме того, анализ рефлексии разметчика позволяет увидеть, какие нормы в большей или меньшей степени осознаны современным носителем языка.

В Корпусе русских учебных текстов объемом 3115 188 слов нарушения в согласовании отмечаются в 587 документах и 971 контексте. В ряде случаев эрратологическое маркирование (выделение ошибок) опирается на многофакторный анализ высказывания.

- (1) *<В-пятых, с развитием новых технологий человеческие знания заменяются компьютерными, поэтому с каждым днем люди все меньше нуждаются в использовании своих навыков.> Использование известной информации становится недостаточным, поэтому их (ref, проп; нарушение кореференции) нужно подкреплять другими знаниями, которые обеспечивают (infl; именное и глагольное словоизменение) **технологий** (agr; согласование) каждый день. <Например, с появлением новых цифровых фотоаппаратов людям приходится запоминать новые методы их использования, потому что знание об использовании фотоаппаратов прошлого поколения не позволяет пользоваться продуктом правильно.>*

В примере (1) из эссе социолога-первокурсника можно усмотреть нарушение согласования-координации при инвертированном прочтении субъектно-объектной пары (*технологии обеспечивают что? знания*), ошибку управления и падежную конкуренцию родительного / винительного / именительного при неинвертированном прочтении: *знания обеспечивают что? технологии* (в этом случае возможна описка, связанная с диакритикой: мена и/й), избыточный эллипсис в случае опущения управляющего слова: *<развитие> технологий*).

Дистантная координация при однородных зависимых в форме мн. ч. в разрывающем контексте приводит к тому, что прайминг плюральных форм заставляет разметчика игнорировать корректное согласования рамки, опирающееся на генерализованное прочтение формы ед. ч. подлежащего:

- (2) *Запоминание картинки, набора слов или звуков, напротив, **уязвимо** к любым изменениям.*

Множественность объектов в этом случае имплицитно для разметчика и множественность процессов, словно речь идет о разных видах запоминаний. В этой связи показательны рассуждения И. Н. Смирнова о влиянии множественного объекта на аспектуальную характеристику действия как повторяющегося и, соответственно, не локализованного во времени, в отличие от локализованного во времени единичного конкретного действия, совершаемого над единичным конкретным объектом [Смирнов 2008], ср. в примере (2а) аналогичную примеру (2) интерпретацию имени *вопрос* при конкретизирующих распространителях, включающую признание пишущим генерализованного употребления имени и отрицание такого прочтения разметчиком:

- (2а) *В данном тексте Ричард Фейнман ставит **вопрос** (agr) узкости мышления, доминирования зубрежки над пониманием, неспособности мозга самостоятельно работать, придумывать новое, а только лишь воспроизводить заученное.*

Избыточное согласование по числу в коннекторе сентенциального атрибута в примере (3) вызвано доминированием влияния левого контекста над правым, стремлением уподобить определение определяемому в ущерб структуре основы определительного придаточного. Дополнительным фактором, вызывающим этот сбой, становится разрыв основы придаточного вводной конструкцией.

- (3) *Здесь можно выделить несколько факторов, **которых** как нам кажется, влияют на наш выбор в какой-либо ситуации.*

В этом случае нарушения нормативной координации можно говорить о широко понимаемом прайминге [Русакова 2013: 371–410], то есть избыточном влиянии предшествующего образца (формы род. пад. мн. ч. *факторов*) на конструирование последующей формы *которых*, ср. пример (4) из аннотации первокурсника:

- (4) *Книга посвящена анализу событий, **которых** автор текста называет черными лебедями, это события, происходящие спонтанно и непредсказуемо.*

В этом случае коннектор выступает не подлежащим, а прямым дополнением, и грамматически актуализуется проблема выбора одушевленного или неодушевленного варианта маркирования винительного падежа. Корректная форма *которые*, омонимичная именительному, игнорируется в пользу формы, омонимичной родительному, поскольку левый контактный контекст задает генитивную форму определяемым словом *событий*.

Зоной особого риска становятся существительные со значением символической собирательности (*народ, аудитория, электорат, власть, профессура* и под.). При необходимости местоименной замены таких имен, как и в случае присоединения определительных оборотов, уточняющих конструкций или сентенциальных атрибутов, повышается вероятность смыслового согласования по числу в ущерб грамматическому. Множественная референциальная соотнесенность таких имен превалирует в сознании пишущего над сингулярностью грамматической формы, см. в примере (5) анафорическую замену *раса* — *их*:

- (5) *Так, например, основываясь на неприятном случае с афро-американцем (ограбление, избиение и т. д.), простой человек может стать расистом, обвиняя во всём чернокожую расу и их (agr ref pron) дикость.*

К широкой сфере семантического согласования можно отнести и выбор плюральной формы глагола при наличии зависимых у подлежащего, как в примере (6):

- (6) *Здесь ты найдешь ответы на эти и многие другие вопросы, узнаешь, какую роль играет экономическая свобода и каким образом в умах людей могут одновременно присутствовать вера в две совершенно разные и несочетаемые вещи.*

Невозможность формы мн. ч. у существительного *pluralia tantum* осознана пишущим, однако идея двойственности распространителя диктует форму мн. ч. глаголу как бы сквозь имя *вера*. В определенном смысле эта стратегия пишущего корреспондирует со стратегией разметчика в примере (2), стремящегося увидеть разные виды запоминаний в соответствии с указанием на объекты действия. Можно предположить, что генерализованное употребление имени функционирует по тем же законам, что и семантически (но не грамматически) собирательное имя, и формальная множественность предиката обусловлена референциальной множественностью существительного в таком употреблении.

При постпозиции однородных подлежащих допустимо как ед., так и мн. ч. сказуемого [Розенталь и др. 1999]. Однако однородность может ослабляться контекстом. Так, в примере (7) появление иерархического указателя *как следствие*, устанавливающего семантическую обусловленность второго подлежащего первым, заставляет разметчика склоняться к предпочтению сингулярной формы предиката, несмотря на кодифицированную вариативность:

- (7) *<Во-вторых, знания, полученные тщательным и фундаментальным разбором, дают толчок к появлению новых идей, к исследованию более глубоких и сложных проблем.> Сам Ричард Фейнман убеждает нас в том, что не только оробевшим новичкам но и известным ученым свойственны (agr) механическое запоминание информации и, как следствие, непрочные знания. <На примере того, как физик, ассистент Эйнштейна, не узнал в задаче элементарного физического закона из-за немного переделанных условий,*

мы лишний раз убеждаемся в том, что понимание темы позволяет применять знания в любых ситуациях.>

Однако противоположная стратегия пишущего, координирующего сказуемое с первым членом однородного ряда постпозитивных подлежащих, также не вызывает понимания у разметчика:

- (8) *Во-вторых, для того, чтобы дать ученикам импульс к стремлению понять материал, учителю **необходима** грамотно выстроенная методика преподавания и великолепное владение своим предметом, а так бывает далеко не всегда.*

Семантика предикативного комплекса *сложное пошаговое действие* в примере (9), включающая референциальную множественность, представляется разметчику недостаточным условием соотнесенности с однородными подлежащими при прямом порядке слов даже в случае контекстной иерархизации перечня, выраженной в предпочтении союза *а также* (маркирующего дополнительный статус второго подлежащего по отношению к первому):

- (9) *Я думаю, что так происходит, потому что осмысление полученных знаний, а также их практическое применение — это гораздо более **сложное многошаговое действие** чем заучивание наизусть.*

Неинвертированность высказывания и семантическая стадийность первичного *осмысления* и последующего *применения* побуждают разметчика ожидать форму мн. ч. у сказуемого, следующего за двумя подлежащими. Здесь можно усмотреть отказ интерпретировать имя *действие* в форме ед. ч. как генерализованное, с множественной референтной соотнесенностью.

В примере (10) разметчик предполагает взаимнооднозначное соотнесение *задачи* и ее *условия*, отрицая возможность выбора формы мн. ч. для терминологического имени в специализированном контексте при описании одной *задачи*:

- (10) *Во-вторых, если не понимать смысл выученного, то при изменении условий задачи, становится не ясно, как её решать.*

Между тем употребление имен в контексте примера (9) — анализа этюда Ричарда Фейнмана о запоминании и понимании — не строго терминологично, речь может идти о расширенном и в определенном смысле метафорическом понимании *задачи* как проблемы и *условий* как новых вопросов в проблемной области.

Квалификация ошибки как нарушения согласования может конкурировать с нарушением управления в тех случаях, когда гипотетическая форма мн. ч. омонимична родительному падежу ед. ч., как в случае конкуренции номинатива и генитива при отрицании (при том, что имя *суть* в норме не имеет формы мн. ч.):

- (11) *Как люди воспринимают науку, и способен ли человек принять знание и найти грамотный выход из ситуации, не осознавая суть (agr) явлений и законов природы?*

В примере (12), с одной стороны, можно усмотреть аналогию с примером (11), поскольку конструкция с негацией допускает возможность конкуренции падежей (гипотетический вариант правки *подключения* можно трактовать как форму им. мн. ч. и как род. ед. ч.), с другой — с примером (2) по признаку наличия серии зависимых (и тогда предполагается возможный вариант корректировки не *подключения*, а *подключений* — с вытекающей из такой правки проблемой отнесения имени к классу обладающих парадигмой мн. ч.):

- (12) *Механическое зазубривание не подразумевает подключение (agr) воображения, зрительной, слуховой памяти или любых других инструментов мышления.*

Согласование по числу может провоцировать сбой, связанный с полисемией определяемого, как в примере (14). Отвлеченное значение существительного *материал* ('учебные разработки, сведения') может восприниматься как принадлежащее имени *singularia tantum* и требующее согласования по ед.ч. Тем не менее, в этом значении форма мн. ч. имени употребительна, в НКРЯ находится 52 вхождения по запросу «учебный + материал (мн.ч.)», наиболее раннее датируется 1963 годом:

- (13) *Учебные материалы иного рода в книге не затрагивались, если не считать двух-трех беглых упоминаний.* [Григорий Коган. Работа пианиста (1963)]

При этом для ед. ч. этого сочетания обнаруживается 204 вхождения, начиная с 1862 года (первый пример принадлежит К. Д. Ушинскому).

- (14) *Также принудительное изучение материалов, который преподают в школах, не позволяет развиваться ученикам в отдельных областях, ведь учебная программа идет дальше темы сменяются и изученный материал остается позади.*

Возможно, форма *который* стала результатом своеобразной коррекции замысла пишущего, не удовлетворенного выражением *изучение материалов, которые преподают в школе* по причине механического двойного прочтения субъектно-объектной пары в этой конструкции (вариант исправления с пассивным оборотом *которые преподаются* оказался при этом не востребованным).

При дистантном расположении определяемого и определения разметчика смущает форма последнего имени, предшествующего определительному обороту. Строго говоря, контактность расположения определяемого и определения, действительно, предпочтительна, и обретает силу правила в отношении придаточных определительных. Однако для определений другой синтаксической природы аналогичной жесткости не предусмотрено, и в этом смысле пример (15) может рассматриваться как корректный:

- (15) *<В конце хотелось бы сказать, что лучший способ запоминания информации — понимание и осознание полученных знаний.> Такой подход имеет*

массу преимуществ перед зазубриванием, рассмотренных выше. <Поэтому я считаю, что проблема, которую поднял Ричард Фейнман в книге «Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман» актуальная и должна быть освещена.>

Не предполагается, вопреки решению разметчика, фиксация сбоя и при контактном расположении придаточного определительного к номинативно-генитивному сочетанию:

- (16) *Каждый день человек, от самого маленького и до самого взрослого, получает огромный поток информации, **который** он должен запомнить.*

«В некоторых случаях между подлежащим и сказуемым усматривается еще одна разновидность синтаксической связи — тяготение: в предложениях типа *Сестра лежала больная; Отец вернулся веселый (веселым)*. Тяготением связь называется потому, что именная часть сказуемого соотносится с подлежащим через посредство третьего компонента. Такая связь обнаруживается при двойном отношении: прилагательное связано и с глаголом и с именем (или местоимением)» [Валгина 2003: 57]. В примере (17) игнорируется допустимость именительного и творительного падежей прилагательного при тяготении. Действительно, не любое лексическое наполнение современной конструкции допускает творительный, ср. архаичное **Сестра лежала больной*, но разметчик усомнился в правомерности творительного при глаголе *становиться*:

- (17) *Но пример с ассистентом Эйнштейна показывает, что помимо постоянного просто использования, знание необходимо подставлять и в нестандартные ситуации, чтобы оно становилось более **гибким** (агр) в плане приращения.*

При глаголе *становиться*, по данным НКРЯ, творительный падеж доминирует (14642 против 1212 вхождений с именительным). Именительный не редкость и сохраняется до современности (правда, в отсутствие сравнительной степени в контексте), ср. в НКРЯ:

- (17а) *Он выскочил из хаты. Дни **становились теплые**. Из-за Авдулиных бугров, из-за Пугачева горба заметно тянуло весной.* [Г.П. Данилевский. Воля (1863)]
- (17б) *Кременецкий тоже говорил, что возможны очень серьезные осложнения, и вид у него при этом **становился озабоченный**.* [М.А. Алданов. Бегство (1930)]
- (17в) *Раз с человека держава взять ничего не может, он **становится бесполезный**.* [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]
- (17г) *Матвей с Костином быстренько «взлетали» на шкаф. Обстановка **становилась напряженная**. Один лишь Сверчок радовался, затевал с Лари игру в догонялки.* [Н.Ф. Королева. Другая собака // «Наука и жизнь», 2007]
- (17д) *Когда актеры играли хоть чуть-чуть интересно, режиссер залиvisto хохотал. И лица у актеров **становились довольные**. На меня актеры уже*

не смотрели. [Саша Денисова. Театральный роман // «Русский репортер», № 15 (143), 22–29 апреля 2010, 2010]

- (17е) *Стекло холодное, и лоб от него тоже становится холодный.* [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)]
- (17ж) *Траектория развития такого брака... Его психика не выдерживает такого давления, и он регулярно уходит из дома «в отпуск» (живет у родителей). Жена после такого «отпуска» становится шелковая. На какое-то время.* [Алексей Фролов. Очередной случай из практики... (2014.10.20)]

Несколько архаичным воспринимается пример (17в), возможно из-за одушевленности субъекта состояния. Но в (17ж) при определяемом женского рода и разговорном регистре архаизации уже не усматривается, хотя субъект состояния одушевленный.

Несмотря на сохранность именительного предикативного в таких предложениях, примат творительного, вопреки мнению разметчика, в описываемой конструкции очевиден как по данным НКРЯ, так и по данным интернет-узуса, ср. запрос в Google *становится гибкий* — 126 результатов, *становится гибким* — 225 результатов.

Конкуренция родительного и творительного субъекта или дательного адресата (в примере (18) — *понимание кого и кем, понятен кому*) наблюдается в современном узусе, демонстрирующем постепенную экспансию генитива в сферу других косвенных падежей (у этой тенденции есть и встречная компенсирующая, в частности, связанная с захватом дательным падежом некоторых функций родительного, см. [Ахапкина 214]). В примере (18) разметчик счел выбор родительного падежа ошибочным (вероятно, тэг нарушения управления в этом случае в большей степени отвечал бы замыслу).

- (18) *Текст в большинстве своём чётко и понятен для понимания практически любого читателя.*

Падежная конкуренция может быть вызвана разными сопутствующими факторами, среди которых фиксируют порядок слов (ср. *понимание текста читателем / читателем текста; поддакивание секретаря начальнику / поддакивание начальнику секретарем*, о стратегии выбора падежа в последнем случае см. [Герасимова 2017]).

НКРЯ демонстрирует вариативность в этой зоне. Генитивные примеры встречаются в разные периоды и не зависят от падежа управляющего.

- (18а) *Но далее отрезки расходятся, и нос двоится не только в стиле автора и в глазах Ковалева, но и в понимании читателя.* [В. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский (1920–1929)]
- (18б) *Они приспособлены ко вкусу и пониманию читателя ниже чем среднего.* [В. Ф. Ходасевич. О Чехове (1929)]
- (18в) *Почти все они доступны пониманию читателей, обладающих подготовкой в объеме неполной средней школы.* [С. А. Шорыгин. Что читать об Арктике // «Наука и жизнь», 1936]

- (18г) *Мы полностью полагались на эзопов язык и на понимание читателя, умевшего читать между строк.* [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999)]
- (18д) *Наверно, надо начать с того, что каждый стихотворец ... имеет свое понимание читателя.* [Алексей Биргер. Страстный пилигрим (1998) // «Профессионал», 1998.07.01]

В случае реализации ролей субъекта и объекта в форме косвенных падежей (*понимание чего / кого кем // понимание кем чего / кого*) субъект закономерно маркирован творительным, объект — винительным.

- (18е) *И насчет невозможности понимания обыкновенными людьми великих, читателями — писателей, Марк загнул по обыкновению.* [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)]
- (18ж) *Привычное и внутренне присущее христианскому мировоззрению разделение мира на полюсы: небо и земля, рай и ад, бог и диавол, добро и зло, праведники и грешники, последовательно проводимое через весь «Элucidарий», несомненно, в высшей степени благоприятствовало пониманию и усвоению читателями и слушателями преподносимых им истин.* [А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)]
- (18з) *Вместе с тем воздействие литературы на жизнь общества, ее понимание и осмысление читателями (иначе говоря — литература в меняющихся социально-культурных контекстах ее восприятия) является предметом одной из литературоведческих дисциплин — историко-функционального изучения литературы (термин предложен М. Б. Храпченко в конце 1960-х годов).* [В. Е. Хализев. Теория литературы (1999)]

Собственно эффект прайминга (уподобления образцу) на формальном уровне наблюдается в примерах (19–20):

- (19) *Задумывались вы о причинах появления тоталитарных режимов.*
- (20) *У вас есть шанс раз и навсегда изменить свое отношение к миру и происходящих в нем событий и по-новому посмотреть на все глобальные процессы в нашей жизни.*

М. В. Русакова отмечает, что замена родительного мн.ч. предложным у существительных вызвана ориентацией на флексию предшествующего прилагательного [Русакова 2008].

В сфере согласования наиболее болезненной оказывается семантико-грамматическая зона числа, вызывающая сложность как у пишущих, так и у разметчиков. Это связано как с семантической и референциальной характеристикой определяемого (несовпадением плюрального содержания с сингулярной формой), так и синтаксическими особенностями фразы, включающей зависимые от существительного компоненты, часто в плюральных формах, а также разрывающие элементы согласованного сочетания вставные структуры. В сфере падежного маркирования размываются границы согласования и управления (в частности, в случае

предпочтения творительного именительному при так называемом тяготении). Одним из факторов, влияющих на сбой в согласовании, становится эффект копирования предшествующего образца.

Описанные наблюдения позволяют предложить три дополнительные процедуры для разметки коллекции корпуса. Во-первых, выстроить субкатегоризацию внутри сбоя «нарушение в согласовании» (в частности, выделив подтип нарушенного согласования — в роде, числе, падеже или нескольких категориях одновременно — и указав возможную причину рассогласования, такую как референциальная множественность определяемого или влияние разрывающего контекста, плюральная форма зависимых от определяемого имен). Во-вторых, снабдить маркированные фрагменты вариантом правки в окне комментария, чтобы сравнение корректного варианта с ошибочным позволяло анализировать ошибку. В-третьих, противопоставить собственно нарушение нормы (речевой сбой) вариативности и шкалировать вариативность от равноправных, предпочтительных и допустимых вариантов до маргинальных и тяготеющих к сбою.

Литература

Ахапкина Я. Э. *Причина пожара*: приименной дательный в позиции родительного // Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К. Д. Ушинского). СПб., 2014. С. 38–42.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952.

Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд., испр. М., 2003.

Герасимова А. А. Дифференциальное падежное маркирование и линейная позиция аргументов в русских событийных номинализациях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 265–281.

Голуб И. Б. Литературное редактирование: учебное пособие. М.: Логос, 2010.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 5-е изд. М., 2003.

Пужаева С. Ю., Зевахина Н. А., Джакупова С. С. Контаминация конструкций в речи нестандартных русскоговорящих на материале корпуса русских учебных текстов // Труды Международной научной конференции «Корпусная лингвистика-2015». СПб., 2015. С. 390–397.

Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.

Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб., 2008.

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers // *Slavica Helsingiensia 45 Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism.* Helsinki, 2014. С. 35–49.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects // Труды 21-й Международной конференции по компьютерной лингвистике «Диалог». М., 2015а.

Zevakhina N., Dzhakupova S. Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics». 2015b. No. 39.

Yana E. Akhapkina

National Research University Higher School of Economics (HSE)

(Moscow, Russia)

yana.akhapkina@gmail.com

ERRATORICAL MARKING OF THE TEXTBOOK CORPORA: TACTICAL SOLUTIONS

Created by the School of Linguistics of the Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics, the Corpus of Russian Student Texts (CoRST) includes texts belonging to such genres as answers to various questions, argumentative statements, essays, course papers etc., which were written either spontaneously (in the classroom) or as prepared texts (at home) by students in Bachelor's degree programs.

In the process of studying academic writing, students pass through different stages of understanding how to structure academic texts.

At each stage, the interference of different styles and genres, the heterogeneous nature of received speech patterns as well as low levels of self-correction lead to inevitable systemic errors in grammar and grammatical stylistics, semantics and text pragmatics.

The deviations from standard speech reflect both the stadial nature of academic writing skills and the processes characteristic of speech system dynamics in general; the formation of new customary (usual) norms on the remains of obsolete (conservative) norms demonstrates the limits of variability in the usage of words and word forms.

These deviations are marked by a system of tags developed and optimized by the Corpus team (N. A. Zevakhina, S. S. Dzhakupova, Yu. M. Kuvshinskaya, S. Yu. Puzhaeva, with active assistance from colleagues and students).

The error markup contains lexical, morphological, and discursive information.

The grammatical section shows the frequency of deviations from morphological and syntactical patterns are connected with the slackening of a number of constructions.

For example, there are such challenges as the broadening of a number of 'light' verbs (units devoid of semantic value and satisfying the syntactic needs of a statement, whose lexical meaning is delegated to a governed word); the choice of case for governed nouns; comparative and intensifying constructions; and anaphoric usage.

The article considers specific examples marked with the tag “agreement error” (*agr*). The motivation for markup when choosing a marker for a speech fragment is discussed.

Keywords: linguistic corpus, corpus of non-standard speech, Russian learners' texts, agreement, variability, recommended norms

References

Ахапкина Я. Е. Причина пожара: приименной дател'nyj v pozicii roditel'nogo. *Slovo. Slovar`. Slovesnost`*: *Russkij yazyk v nauchnom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve (k 190-letiyu so dnya rozhdeniya K. D. Ushinskogo)*. St. Petersburg, 2014, pp. 38–42. (In Russ.)

Bulaxovskij L. A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka*. T. 1. Kiev, 1952. (In Russ.)

Dzhakupova S., Zevakhina N. Case (non-)coincidence in elliptical coordinated constructions: Learner texts of Russian native speakers. *Slavica Helsingiensia 45 Instrumentarium of Linguistics: Language errors and multilingualism*. Helsinki, 2014, pp. 35–49.

Gerasimova A. A. Differential'noe padezhnoe markirovanie i linejnaya poziciya argumentov v russkix sobytijnyx nominalizacijax. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskix issledovanij*. 2017. T. XIII. Ch. 3, pp. 265–281. (In Russ.)

Golub I. B. *Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie*. Moscow: Logos, 2010. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moscow, 1970. (In Russ.)

Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech s teleekrana. Razgovornyj plast televizionnoj rechi v normativnom aspekte*. 5-e izd. Moscow, 2003. (In Russ.)

Puzhaeva S. Yu., Zevaxina N. A., Dzhakupova S. S. Kontaminaciya konstrukcij v rechi nestandardny'x russkogovoryashhix na materiale korpusa russkix uchebny'x tekstov. *Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika-2015»*. St. Petersburg, 2015, pp. 390–397. (In Russ.)

Raspopov I. P. *Stroenie prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. Moscow, 1970. (In Russ.)

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moscow, 1999. (In Russ.)

Rusakova M. V. *Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, 2013. (In Russ.)

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshhennosti dejstviya v sovremennom russkom yazyke*. St. Petersburg, 2008. (In Russ.)

Valgina N. S. *Sovremennyj russkij yazyk: Sintaksis: uchebnik*. 4-e izd., ispr. Moscow, 2003. (In Russ.)

Zevakhina N., Dzhakupova S. Corpus of Russian student texts: design and prospects. *Trudy 21-j Mezhdunarodnoj konferencii po komp'yuternoj lingvistike «Dialog»*. Moscow, 2015a.

Zevakhina N., Dzhakupova S. *Russian metalinguistic comparatives: a functional perspective*. Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics». 2015b. no. 39.

М. Д. Воейкова
ИЛИ РАН — СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
maria.voeikova@gmail.com

К ВОПРОСУ О МАРКИРОВАННОСТИ РУССКИХ ВИДОВЫХ ФОРМ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ*

Семантическая нагруженность видовых форм глагола в изъявительном наклонении и в косвенных наклонениях распределяется по-разному: так, в императиве обычно немаркированный НСВ обрастает новыми семантическими оттенками (безотлагательность, близкое начало действия, категоричность и т. д.). Видовые характеристики глагола в сослагательном наклонении оказываются в сложной зависимости от других глагольных категорий. В статье рассматривается фактор акционального класса: характер действия, обозначенного глаголом, влияет на представление о его целостности в гипотетическом мире. Так, глаголы движения обычно встречаются в СВ в сослагательном наклонении, в то время как для местоположения характерно употребление обеих видовых форм, глаголы бытия и состояния естественно употребляются в форме НСВ, а для изменения состояния характерна форма СВ. Эти предпочтения отражаются на количественном соотношении форм СВ и НСВ, а также на доле употреблений с семантическими сдвигами и проценте форм наиболее частотных глаголов в выборке. Употребление в несвойственной данному семантическому классу форме проявляется в многочисленных сдвигах значения, «непрототипических» употреблениях, неестественных контекстах. Эти предпочтения могут в разной степени проявляться в семантических группах, отличающихся по частотности и объему семантического класса.

Ключевые слова: морфология русского языка, вид глагола, сослагательное наклонение, маркированность, единичность/множественность, предельность, кратность, семантический класс глагола.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-04-00517-ОГН «Развитие морфологического и семантико-синтаксического компонентов корпусного описания грамматики современного русского языка») в ИЛИ РАН.

1. Полисистемный подход к вопросу выбора видовых форм

В этой статье рассматривается взаимодействие категорий вида и наклонения с точки зрения «полисистемного подхода» к описанию русской грамматики. Описывая некоторый элемент этой грамматической системы, автор предполагает, что он связан с другими элементами и имеет сходное с ними строение, а результирующее описание способно представить систему в целом. В работах А.В. Бондарко этот подход, в частности, представлен как «полисистемный», ср. «... полисистемный анализ в сфере грамматики, в отличие от моносистемного, направлен на изучение единств, охватывающих как однородные, так и разнородные, разноуровневые (морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические) элементы в их многообразных сочетаниях. Цель такого анализа заключается прежде всего в изучении взаимосвязей элементов, которые не могут быть сведены к единому структурному основанию» [Бондарко 2011: 29]. В соответствии с этим подходом, мы будем рассматривать видовые соотношения в сослагательном наклонении на фоне аналогичных соотношений в изъявительном и повелительном наклонениях, предполагая, что такое целостное рассмотрение позволит в дальнейшем всесторонне представить взаимодействие категорий вида и наклонения в целом, а также прольет свет на особенности лексического и грамматического выбора видовых форм в речепорождении.

Нас интересуют прежде всего случаи «ненулевого» взаимодействия [Храковский 2012: 542], при котором реализация элементов одной грамматической категории оказывается хотя бы в какой-то степени ограниченной в контексте элементов другой грамматической категории, а также те примеры, когда содержание форм меняется в результате употребления в сочетании с другой категорией. Ненулевое взаимодействие вида и сослагательного наклонения зависит от синтаксической структуры, в которой появляются формы, и от внеязыковых условий — в данном случае от того, насколько говорящий склонен или способен представить себе гипотетическое действие в развертывании или повторе (формы НСВ), либо в форме, отражающей единичность и результативность (формы СВ). Н.Р. Добрушина перечисляет целый ряд независимых и зависимых структур, в которых встречается сослагательное наклонение [Добрушина 2016: 16–17]. Нас интересуют в первую очередь независимые структуры в двух основных функциях: сложные предложения, включающие формы сослагательного наклонения, могут передавать отношения условия (1), в простых предложениях сослагательное наклонение обычно выражает пожелание (2):

- (1) Тебя бы подкормить, **ты бы поздоровел**. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]
- (2) — **Ты бы посидел** ещё полчаса на всякий случай. [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

Интерес представляют все случаи, когда семантическое соотношение компонентов одной категории меняется вслед за изменением элементов другой категории.

Для системного описания категории вида важен следующий факт: для форм изъявительного наклонения формы НСВ рассматриваются как немаркированный член привативной оппозиции, а формы СВ — как маркированный член, обладающий дополнительным значением целостности и ограниченности действия пределом, ср. «В видовых формах заключено отношение к признакам ограниченности действия пределом и целостности: совершенный вид (СВ) — семантически маркированная форма, являющаяся носителем этих признаков, несовершенный вид (НСВ) — немаркированный член оппозиции (в последующем изложении речь будет идти также о семантическом признаке «возникновение новой ситуации», связанном с большинством типов функционирования форм СВ» [Бондарко 2011: 30]. Неоднократно указывая на это соотношение видовых форм, А. В. Бондарко ссылается на мнение Ю. С. Маслова [1984: 15–16]. А. В. Бондарко далее отмечает, что «формы СВ, рассматриваемые со стороны их системного значения, характеризуются активным поведением по отношению к среде, тогда как формы НСВ демонстрируют поведение реактивное. Рассматриваемое различие связано со статусом маркированного и немаркированного членов оппозиции. Маркированность СВ определяет «сильное» (активное) воздействие грамматической системы на элементы среды, в то время как немаркированность НСВ создает разнообразные возможности для активного воздействия «сильной среды» на исходную систему. Немаркированность НСВ в отношении признаков «целостность» и «ограниченность действия пределом» играет роль своего рода пассивного фона, на который накладываются признаки внутрилексемной и внелексемной среды. Форма СВ выражает инвариантное значение, которое лишь конкретизируется и модифицируется контекстом (и шире — средой). Иной характер имеет семантический потенциал формы НСВ. Эта форма не имеет инвариантного положительного значения. Мы можем сказать лишь, что она обладает в грамматической системе некоторой значимостью, компетенцией, способностью выражать определенный спектр семантических признаков в составе частных видовых значений. Глагольная форма НСВ задает общие контуры и пределы этого спектра — от значений, контрастирующих с семантикой СВ, до значений, контактирующих с этой семантикой, хотя и не совпадающих с нею» [Бондарко 2011: 113–114].

2. Вид в ирреальных наклонениях: история изучения

Если принять употребление вида в индикативе за нулевое взаимодействие, то бесспорным случаем взаимодействия ненулевого следует считать многократно описанные дополнительные оттенки значения, которые формы НСВ приобретают в повелительном наклонении. Д. Н. Шмелев отмечал у форм НСВ в императиве, с одной стороны, черты, присущие НСВ в целом, например, употребление «для обозначения постоянного или повторного действия (мой руки перед едой = всегда)», а с другой стороны, добавочные значения: может значить не «вообще делай», а делай сейчас, скорее», т. е. обозначает побуждение к **немедленному** совершению действия; действие предельно приближено к моменту высказывания, как бы совпадает с ним; действие **само по себе**

так или иначе уже предполагается (ожидается или естественно в данной ситуации); побуждение является только знаком для его начала, или условным вежливым приглашением [Шмелев 1959: 15–16]. Кроме этого, он выделяет спорный контекст, в котором «побуждение определяет, **КАК** должно исполняться действие» [Там же], по нашим данным, реализованный как в формах НСВ, так и в формах СВ.

В дальнейшем эти наблюдения были многократно уточнены и конкретизированы с разных точек зрения [Падучева 1996; Шатуновский 2004; Храковский 1988, Бенаккио 2010, см. обзор Воейкова 2015]. В результате сложилось представление о том, что НСВ в императиве обладает рядом дополнительных семантических функций, а его использование оказывается «нагруженным», отличающимся от нейтрального. Иными словами, при взаимодействии вида и наклонения в данном случае возникает «асимметрия» употреблений (термин Ю. А. Пупынина [Poupyrin 2002: 18]).

Общая постановка задачи состоит в том, чтобы определить, относится ли взаимодействие вида и сослагательного наклонения к нулевому или ненулевому типу, то есть, реализуется ли при этом взаимодействии сценарий индикатива (нулевой тип, тривиальные соотношения видовых форм), или ненулевой тип (асимметричные отношения).

До сих пор этот вопрос во всей полноте не ставился, хотя отдельные ценные наблюдения делались во многих работах [Парменова 1975; Кулькова 1986; Подлесская 1999; Добрушина 2016; Храковский 2012; Шелякин 1983]. Так, В. С. Храковский указывает на деформацию в ирреалисе актуально-длительного значения, «от которого остается только его основная процессная составляющая. Кроме того, сокращается число неосновных частных значений обоих видов, которые могут выражаться в повелительном и сослагательном наклонении» [Храковский 2012: 561]. Тем самым подчеркивается асимметрия во взаимодействии вида и наклонения.

Помимо косвенных наклонений, для исследования данного вида взаимодействия оказываются релевантными правила употребления вида в инфинитиве при запретах или констатации невозможности (см. об этом [Шмелев А. Д. 2012: 610, Дымарский 2015]), в которых также обнаруживается асимметрия: «Если слову *нельзя* подчинен инфинитив СВ, высказывание понимается алетически, а если инфинитив НСВ, — деонтически (ср. [Рассудова 1968: 82; Зализняк, Шмелев 2000: 41–42]). Так, предложение *К окну нельзя подойти* скорее всего будет понято как указывающее на объективную невозможность (например, все подходы чем-то заставлены), а предложение *К окну нельзя подходить* — как сообщение о существующем запрете» [Шмелев А. Д. 2012: 610]. Иными словами, контекст ирреалиса во многих случаях оказывает решающее влияние на интерпретацию видовых форм. Подробно влияние видовой характеристики на семантику высказывания рассматривалось также М. Я. Дымарским [2015] в контексте двух инфинитивных моделей с семантикой нежелательности: модели А (*не опоздать бы к поезду*) и модели Б (*как бы нам не опоздать*). Поскольку эти конструкции, несомненно, представляют собой периферию сослагательного наклонения, их учет представляется вполне оправданным. М. Я. Дымарский указывает на целый ряд факторов, влияющих на выбор вида

инфинитива в данных конструкциях. Существенно, что видовая характеристика влияет на семантику конструкции А, но оказывается нерелевантной для истолкования модели Б: во многих случаях в ней можно заменить глагол СВ на глагол НСВ, ср. пример Дымарского: *Как бы нам не зимовать/зазимовать здесь*. Заметим, однако, что НСВ в этом случае вообще малоупотребителен и во многих случаях, кажется, невозможен, ср. модификацию исходного примера (?) *Как бы нам не опаздывать на поезд*. При том, что многие примеры с НСВ явно аграмматичны, вряд ли можно говорить о свободной конкуренции видов в этом случае. Как представляется, ирреалис в целом способствует выбору форм СВ, а для употребления НСВ требуются специальные условия. В модели А никакая замена невозможна; высказывания с НСВ выполняют функцию пожелания (ср. *Не ссориться бы тебе с мужиками*), а соответствующие высказывания с доминирующим в этом случае СВ — функцию опасения, предостережения, ср. *Не поссориться бы тебе с мужиками*. Оставив в стороне детали истолкования и интерпретации видовой конкуренции, обратим внимание на то, что вид глагола влияет на семантику и на прагматику данной модели, причем СВ оказывается и здесь более употребительным и ожидаемым, чем НСВ, который в данном случае приобретает дополнительные оттенки значения. По-видимому, семантика совета или предостережения, характерная для этой конструкции, приближает ее в видовом отношении к императиву.

М. Я. Дымарский обращает внимание также на то, что на интерпретацию «контроплативных» моделей влияет их темпоральная направленность и персональная сфера. Он замечает, что при проспективно-консеквентной направленности высказывания и 1-м лице субъекта в модели А используется только СВ, а модель Б допускает оба вида инфинитива с семантикой опасения или даже предостережения [2015: 41–42] ср. его примеры: ... *не убить бы чуткий интерес к писательским судьбам...* (В. Кардин). При 2-м лице субъекта и проспективной направленности модель А допускает оба вида, но НСВ употребляется как совет, а СВ — как предостережение, ср. *Не уходите бы вам...* и *Не обжечься бы тебе* [Дымарский 2015: 43]. На роль персональности в видовой интерпретации сослагательного наклонения обращал внимание еще М. А. Шелякин. Он отмечал, что «функции видов при желательном значении зависят от синтаксической отнесенности действия ко 2-ому лицу или к 1-ому / 3-ему лицам ед. и мн. ч. При первой отнесенности видовые формы употребляются по правилам императивного употребления. При второй отнесенности выбор видов определяется в основном разовым / неразовым проявлением действия, а также характером выражения его отрицания. Если речь идет о разовом проявлении желательного действия или об опасении возможного осуществления разового действия, то употребляется форма сов. вида: *Я бы в летчики пошел, пусть меня научат!* (Маяковский). *Пассажиры опасались, чтобы их самолет не задержался в пути*. Если речь идет о неограниченно-продолжительных действиях (кратных и длительных) или об отрицании желательности разового действия, то употребляется форма несов. вида: — *До чего же голосок у тебя хорош, бабка Игнатъевна! Век бы слушал и не наслушался! Не ел, не пил бы, а только заставлял бы тебя с утра до вечера покрикивать* (Шолохов). *Он не хотел, чтобы*

она уходила. [Шелякин 1983: 204–205]. Иными словами, по мнению М. А. Шелякина, выбор вида зависит не от наклонения, а от формы лица (естественно, что выбор наклонения отчасти и определяет отнесенность действия к определенному лицу). М. Я. Дымарский вслед за М. А. Шелякиным предлагает также рассматривать семантику контропативных моделей отдельно в рамках каждой из возможных темпорально-персональных моделей. Такую практику можно назвать «расщеплением»: поскольку пока что не удастся сформулировать общих закономерностей употребления форм во всех контропативных конструкциях, можно попробовать рассмотреть отдельные выборки для каждой формы лица и времени и описать закономерности функционирования этих «расщепленных» выборок. Принимая во внимание предложенную М. А. Шелякиным гипотезу, мы в данной статье рассмотрим другой вариант ограничения материала: примеры будут разграничены по семантическим классам глаголов. При этом мы опираемся на семантическую разметку НКРЯ, отдавая себе отчет в том, что она во многих случаях не отличается высокой точностью. Мы будем во всех случаях вычитать из выборки часть примеров, попавшую в данный семантический класс по ошибке. Семантические группы глаголов были выбраны с таким расчетом, чтобы противопоставить предикаты, передающие максимальную активность субъекта (глаголы движения и активного воздействия) и его максимальную пассивность (глаголы существования и состояния). Остальные семантические классы привлекаются только для предварительной количественной оценки.

3. Глаголы движения

Контексты с глаголами движения рассматривались на примерах с двумя основными порядками компонентов: в первом случае *бы* предшествует глаголу (10 181 вхождение), а во втором следует за ним (более 34 000 вхождений). Позиция субъекта специально не задавалась, но в подавляющем большинстве случаев он оказался перед глагольной группой. Препозиция частицы *бы* характерна для оптативных высказываний (3), в постпозиции *бы* чаще употребляется для выражения условных отношений (4).

- (3) Да, пожалуй, в 60-е я **бы переехал**. [Юлия Пешкова. Пиковый козырь // «Домовой», 2002.01.04]
- (4) Большой или меньший путь **прошёл бы** брусок, если бы этот опыт был поставлен на Луне? [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)]

Разумеется, это не правило, а некоторая статистическая тенденция, причем подтвердить ее или опровергнуть на материале полученных десятков тысяч примеров пока не представляется возможным из-за их неоднородности. В том, что касается выбора видовых форм, большинство оптативных контекстов с глаголами движения типа (3) естественно включает форму СВ, которая несет информацию об однократном завершённом действии. Употребление НСВ в оптативе встречается редко

и связано с семантикой временного отрезка, заполненного однотипными действиями, ср. (5):

- (5) Лучше **бы ходил** всё Кино в настоящем обличии. [Коллективный форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008–2010)]

Предпочтение СВ может быть связано с трудностями образования видовых пар у приставочных глаголов движения: как известно, часть этих глаголов при образовании имперфективов меняет однонаправленную основу на разнонаправленную (ср. *прийти — приходит*). Возможно, эта дополнительная сложность лежит в основе «избегания» форм НСВ от глаголов движения, обусловленном внеязыковыми причинами. В целом, в результате поиска глагола движения в претерите, стоящего после частицы *бы*, на 8289 примеров с СВ приходится 2559 с НСВ. Можно заметить, что значительная часть примеров с НСВ по разным причинам не относится к каноническим случаям употребления сослагательного наклонения, подобным (3–4). Так, они могут быть на грани литературной нормы (ср. 6):

- (6) Зарплата ничтожная, никого не привлекает. Берём кого попало, лишь **бы шла**. [И. Грекова. Перелом (1987)]

В примере (6) НСВ находится в отношениях свободного варьирования с СВ (ср.: *лишь бы пошла*); не назван контроллер для согласования в ж. р.. Часть примеров с НСВ включает дополнительные частицы, указывающие на гипотетическое сходство, ср. (7):

- (7) Рассказывая о них, он как **бы приступал** к главному: рассказу о себе. [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989]

Примеры с *как бы*, *словно бы*, *будто бы* естественным образом включают формы НСВ, но не относятся к основному массиву оптативных высказываний. Некоторая часть примеров содержит омонимичные формы, ошибочно истолкованные как НСВ, ср. (8):

- (8) «Только **бы слетал** и вернулся живым!» сказал Королев после старта ракеты-носителя. [Обобщенный календарь — апрель (2013.03.29) // «Новгородские ведомости»].

В других случаях глагол выступает в переносном значении, отличном от исходного значения перемещения. Это, в первую очередь, характерно для многочисленных контекстов с выражением *следовало бы*, но есть и другие примеры, ср. (9):

- (9) Будь правительство политическим органом, отражающим интересы граждан, оно **бы вело** себя иначе. [Борис Вишневский. Квартрасплата // «Новая газета», 2003.01.16]

Учет этих факторов заставляет как минимум в три раза снизить количество употреблений сослагательного наклонения с НСВ у глаголов движения. Иными словами, глаголы движения в сослагательном наклонении примерно в 10 раз чаще встречаются в форме СВ, чем НСВ.

4. Глаголы активного воздействия

Ситуация с глаголами физического воздействия в количественном соотношении сходна с рассмотренными глаголами движения: на 2546 вхождений *бы* с глаголами СВ в постпозиции приходится 562 НСВ. Просмотрев все эти примеры, мы нашли среди НСВ 201 случай употребления перед *бы* частиц *как, словно, будто*, которые представляют собой отдельную частотную разновидность. Иными словами, и в этой группе примеров СВ примерно в 10 раз больше, чем «чистых» вхождений НСВ. С учетом обратного порядка компонентов в общей сложности мы получили общую выборку из 6360 вхождений. Собственно «тривиальное» значение НСВ (повторяющееся или длящееся действие) выступает лишь в незначительной части примеров с препозицией *бы*, ср. (10):

- (10) — И хорошо, что эта Жанна увезла дочку. Тетя Регина ее **бы била**. [Маша Трауб. Нам выходить на следующей (2011)]

В два раза чаще и вполне в тривиальном значении НСВ встречается в контекстах, где частица *бы* следует за глаголом, как в (11):

- (11) Мы **вытирали бы** ноги о список «Форбс», будь у нас хоть капля тщеславия. Но его нет — у нас другие потребности. [Виктор Пелевин. Бэтман Аполло (2013)]

Можно предположить, что препозиция по отношению к *бы* является существенным условием для употребления НСВ в сослагательном наклонении. Между тем, при таком порядке компонентов СВ все равно заметно чаще встречается (3774 СВ / 1080 НСВ). Это предпочтение можно объяснить внеязыковыми мотивами: говорящему более свойственно представлять себе завершенное и однократное следствие каких-либо воображаемых обстоятельств, чем выводить более сложную многократную закономерность. Потребность в таких далеко идущих предположениях в бытовой и художественной речи также ниже по сравнению с единичными следствиями или пожеланиями, ср. типичное высказывание с СВ (12):

- (12) Был бы ты постарше, я **бы ударил** тебя тогда. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

Пример (12) отличается еще и выраженной ретроспективной направленностью: речь идет о событии, которое уже состоялось и комментируется говорящим. Это проливает свет на специфику семантики СВ: часто речь идет не собственно о событии, а о его интерпретации, об оценке события, его изображении с помощью понятных носителю языка штампов, как в (13):

- (13) В последний раз посмотрел бы футбол, выпил бы пару кружек «Жигулевского» пива с сорожкой, обязательно **поцеловал бы** напоследок жену, накормил бы до отвала кошек их любимой килькой. [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03]

Особая изобразительность СВ, характерная в изъявительном наклонении для наглядно-примерного значения будущего времени, вероятно, проявляется наиболее ярко в отрыве от обозначения реальных событий. Этой изобразительностью объясняется и утрированный выбор глаголов: 516 из 3774 вхождений глаголов СВ в претерите в препозиции к *бы* составляет глагол *убить*, как в примере (14):

- (14) Если бы тогда увидел их, конечно, **убил бы** обоих. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]

На первый план в таких высказываниях часто выходит не информация о воображаемом событии, а анализ ментального или эмоционального состояния героя. Именно этим объясняется частотность формы *убил бы*, которая передает не истинные намерения говорящего, а его эмоциональный настрой или отношение к некоторым событиям. Как противоположность глаголам движения и физического воздействия рассматривались глаголы бытия и состояния, которым в целом свойственен НСВ.

5. Бытийные глаголы

Ожидаемое среди бытийных глаголов предпочтение НСВ (5336 НСВ/2470 СВ в позиции после *бы*; 71 962 НСВ/5813 СВ в препозиции к *бы*) оказывается на проверку объяснимо их огромным функциональным многообразием: в выборку попадают глаголы в бытийной (15а) и связочной (15б) функциях, так же как и временные показатели при модальных словах (15в):

- (15а) — Если **бы существовала** маленькая вероятность кого-то спасти, я сделал бы всё, чтобы хотя бы кто-нибудь из моих детей остался в живых... [Эльвира Савкина. Если впряжусь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03]
- (15б) И я бы тебе этого не простил, если **бы был** твоим мужем. Моряки такого не прощают. Моряки знают, как поступать с такими девчонками. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]
- (15в) И к Дарвину надо **бы было** по крайней мере отнестись повнимательней. [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996]

При всем этом функциональном многообразии между бытийными глаголами в разных функциях сохраняется семантическая преемственность и — что более важно — инерция их воспроизводства в определенной форме. Наибольшую частотность имеет среди них глагол *быть* (4563 вхождения из всех 5336 после *бы*). При такой частотности можно предположить, что формы этого глагола воспроизводятся в готовом виде, являются частью конструкции, а не избираются говорящим из парадигмы по каким-либо правилам. В этой группе мы имеем дело с ограниченным количеством глаголов в различных функциях.

Формы СВ от бытийных глаголов отличаются значительным лексическим разнообразием: в выборку разных бытийных глаголов в прош. вр. перед частицей *бы*

вошли и глаголы исчезновения-появления, и частично — глаголы физического воздействия (типа того же *убить*, являющегося каузатором прекращения существования). Собственно бытийных контекстов среди них выделено 1557, включая различные приставочные корреляты глагола *жить* (типа *прожить, дожить, выжить*), но и группа глаголов, относящихся к событиям типа *состояться, сложиться, случиться, произойти*. Таким образом, СВ бытийных глаголов представлен в двух разновидностях — длительно-ограничительной (16а) или событийной (16б):

- (16а) Если бы не Николас, она, по уверениям врачей, не **прожила бы** и 2 дней. [Анна Маева. Дар на всю жизнь // «Здоровье», 1999.03.15]
- (16б) — Да не переживай ты, Даня, не казись, поздно или рано это неизбежно **произошло бы**. [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)]

И в том, и в другом случае речь идет о перифразе бытийного предложения: *прожила 2 дня* в (16а) означает ‘существовала еще 2 дня’, *произошло* в (16б) означает ‘было’, однако можно ли такие перифразы считать каноническим выражением семантики существования, остается дискуссионным вопросом. Если да, то следует признать, что мы понимаем бытийные предикаты предельно широко в соответствии с точкой зрения Н.Ю. Шведовой [1989: 5–12], которая включала в предикаты существования все глаголы, обозначающие привычный способ проявления объектов. При такой трактовке не соблюдается правило мены им. падежа на родительный при отрицании, характерное для бытийных предикатов, ср. (16а) и каноническое отрицательное бытийно-локативное предложение: *её не было два дня*. Следовательно, в ситуации с бытийными глаголами СВ встречается обычно не у центральных, а у периферийных бытийных глаголов, которые только в определенной форме (а именно в прош. времени) выражают семантику существования попутно с ядерной семантикой, а большинство канонических бытийных глаголов в сослагательном наклонении (так же как и в изъявительном) чаще используются в НСВ.

6. Глаголы состояния и изменения состояния

Анализ группы глаголов с семантикой изменения состояния — это единственная возможность в корпусе «подобраться» к глаголам состояния, которые почему-то не попали в отдельную строку семантической разметки. Можно только предположить, что канонические глаголы состояния (такие как *спать, сидеть, лежать* и т. д.) склонны к преимущественному употреблению в НСВ во всех наклонениях. Об этом свидетельствуют результаты поиска по отдельным глаголам: так, для формы *спал бы* зафиксировано 123 вхождения, в то время как *поспал бы* встречается 13 раз, *проспал бы* 29 раз, а *переспал бы* всего 2 раза. Существенно при этом, что все приставочные глаголы СВ имеют специфические оттенки значения (ср. *переспал*) и закрепляются, «специализируются» на них. Так, у глагола *проспать/проспать* выделяют три основных значения: «1) спать в течение какого-то времени....»

2) встать после сна позже, чем обычно, чем нужно... и 3) находясь в состоянии сна, уснув, пропустить что-либо...» [ССРЛЯ 1961: 1423]. Второе значение выделено исключительно на основе непереходности. Если бы не нужно было ее учитывать, оно вполне соответствовало бы третьему. Среди 29 вхождений глагола *проспать* в нашей выборке 17 соответствуют первому значению и 12 — третьему, т. е. содержат отрицательную коннотацию ('проспать больше, чем нужно, иногда пропуская нечто важное'). Диахронически третье значение кажется более современным, т. к. его доля растет с течением времени. Разумеется, небольшое количество примеров не позволяет сделать однозначный вывод, однако тенденция очевидна: СВ от канонических глаголов состояния встречается заметно реже НСВ и стремится закрепиться в специальных, производных от основного значениях. Добавив глаголы состояния к разметке НКРЯ, мы сможем получить более исчерпывающие данные об этом процессе.

По имеющимся данным можно заметить, что для глаголов изменения состояния, которые в разметке НКРЯ все же присутствуют, хотя не отделены от собственно состояния, ожидаемо предпочтительным оказывается СВ: это неудивительно, так как изменение состояния — один из категориальных признаков СВ. На 2331 вхождение глаголов СВ в сослагательном наклонении в препозиции к частице *бы* приходится 289 глаголов НСВ. При этом глаголы СВ практически во всех примерах выступают в прямом основном значении, ср. (17):

- (17) Пусть на 10 минут, но дольше. Значит, и **замерз бы** раньше. [Андрей Митков. Юрий Кудинов, чемпион Европы-2002 // «Известия», 2002.07.26]

Как и у глаголов физического воздействия, в этой семантической группе повествование о возможном единичном событии значительно более естественно и вероятно, чем рассказ о гипотетической цепочке событий или о гипотетическом разветвлении действия во времени, ср. (18):

- (18) — В те часы, когда ты **бы спал**, ты не сомкнешь глаз. В те минуты, когда пот **высыхал бы** у тебя на висках, твоя спина покроется кровью от напряжения. [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)]

В примере (18) НСВ сочетается с СВ в изъявительном наклонении (*не сомкнешь, покроется*), что следует отнести к авторским особенностям речи, отчего все высказывание производит неестественное впечатление. 2% в выборке составляют омонимы других частей речи или омонимичные глаголы типа *кисло бы, спело бы, добрела бы*, ошибочно попавшие в глаголы состояния вне своего контекста. Это, на первый взгляд, случайное обстоятельство, на самом деле, является характерной чертой «непредпочтительных» видовых форм: в выборке без снятия омонимии обычно именно среди таких форм встречаются многочисленные нарушения и большой процент «мусора» и ошибочных примеров. Соотношение верных и случайных примеров в разных семантических группах рассматривается в следующем разделе.

7. Количественные показатели остальных групп

В каждой из семантических групп глаголов один вид соответствует лексическому значению группы и встречается значительно (иногда в 10 раз) чаще другого. Таблица 1 показывает соотношение форм СВ/НСВ у глаголов различных семантических групп и другие количественные особенности выборки.

Таблица 1

Доля СВ, процент «мусора» и доля частотных глаголов в выборке
(предварительный анализ)

Семантический класс	Количество вхождений	% СВ	% ошибок в СВ	% частотных глаголов в СВ
Активное действие	7962	79	20	13
Движение	44 192	76	33	0
Существование	77 298	18	38	84
Изменение сост.	4216	89	12	5
Поведение	143	32	8	2
Местоположение	9701	66	48	15
Речь	12 924	88	9	56
Физиолог. Реакции	1643	48	9	12
Ментальное действие	17 935	22	26	11

Разумеется, подсчеты, вошедшие в таблицу 1, имеют предварительный характер. В многочисленных группах глаголов доля СВ и процент ошибочных и частотных глаголов подсчитывались как среднее по нескольким образцам по 100 примеров из рандомной выборки. Однако даже такой предварительный анализ показывает некоторые тенденции. Предсказуемо у глаголов активного действия, движения, изменения состояния наблюдается предпочтение форм СВ в сослагательном наклонении, в то время как у глаголов существования, поведения или ментального действия преобладают формы НСВ. Высокий процент СВ среди глаголов речи объясняется тем, что половину из них составляют разные формы глагола *сказать*. Для некоторых групп оказался очень высоким процент ошибочных форм и употреблений. Так, в группу глаголов местонахождения попали многочисленные употребления глаголов, с местонахождением никак не связанные, типа *оставили в покое, остался в стороне* и т. д. В результате этого количественное соотношение СВ/НСВ в этой группе почти равное, СВ даже преобладает, однако в НСВ фактически все примеры соответствуют базовому значению, при том что почти половина из всей выборки СВ оказалась ошибочной. Это указывает на то, что СВ оказывается менее естественной формой для глаголов местонахождения. В целом, эти предварительные подсчеты нуждаются в усовершенствовании и уточнении, однако уже по первичному анализу можно судить о том, что говорящий, скорее всего, не производит серьезного выбора форм, а следует неким образцам, клишированным употреблением, представление о которых содержится в его языковой памяти.

8. Заключение

Анализ соотношения видовых форм у глаголов разных семантических групп показывает, что употребление вида в сослагательном наклонении в тривиальных случаях семантически соотносится с изъявительным: формы НСВ представляют действие в процессе развертывания или как повторяющееся. Однако назвать формы НСВ немаркированными в сослагательном наклонении довольно трудно — нельзя сказать, чтобы они употреблялись чаще или «по умолчанию», напротив, во многих семантических классах для выбора форм НСВ необходимы существенные контекстуальные условия.

Процентное соотношение и интерпретация видовых форм сослагательного наклонения зависит от акционального класса глагола. В большинстве акциональных классов наблюдается предрасположенность к употреблению в форме СВ или НСВ в соответствии с характером действия — его активностью/пассивностью, особенностями протекания, способностью говорящего гипотетически представить это действие как однократное и завершенное или как многократное или захваченное в срединной стадии своего осуществления. Эта предрасположенность выражается в том, что преферентная видовая форма менее зависит от контекста, значительно (иногда в 10 раз) чаще встречается, в выборке примеров с этой формой наблюдается мало ошибок и отклонений от основного значения глагольной группы. Важно также обращать внимание на то, насколько многочисленна сама семантическая группа глаголов: некоторые группы (такие как экзистенциальные глаголы) немногочисленны и их свойства определяются поведением самых частотных лексем.

Перспективным представляется дальнейший учет взаимодействия категорий вида и наклонения с категорией лица глагола: можно предположить, что формы 1-го л. будут отличаться от форм 2-го и 3-го л. с точки зрения интерпретации самого гипотетического действия.

Литература

Бенаккио Р. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Мюнхен-Берлин: Отто Загнер, 2010.

Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива. Хельсинки: Изд-во Хельсинского ун-та, 1994.

Бондарко А. В. Категоризация семантики. М.: ЯСК, 2011.

Воейкова М. Д. Варьирование форм СВ/НСВ в императиве: анализ факторов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2015. Т. XI. № 1. С. 539–565. https://alp.iling.spb.ru/static/alp_XI_1.pdf

Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования семантики. Прага: Animedia company, 2016.

Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения. Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

Кулькова Р. А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986.

Падучева Е. В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 66–83.

Парменова Т. В. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.

Подлесская В. И. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению (к 60-летию А. Е. Кибрика). М.: ЯРК, 1999. С. 255–273

Пушнин Ю. А. Системные связи грамматических категорий глагольного предиката в современном русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1992.

Пушнин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Бондарко А. В. (ред.) Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Храковский В. С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Russian Linguistics. 1988. 12, 3. P. 269–292.

Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола. Опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. №5. С. 18–36.

Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // А. В. Бондарко (ред.) Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22–42.

Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.

Шатуновский И. Б. Императив и вид // М. Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М.: Макс Пресс, 2004. С. 253–280.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.) Слово и грамматические законы языка: глагол. М.: Наука, 1989. С. 5–171.

Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Русский язык в школе. 1959. 20, 4. С. 13–17.

Шмелев А. Д. Модальность, контроль и вид: точки взаимодействия (русское слово *нельзя* в сочетании с инфинитивом) // М. Д. Воейкова (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Poupynin Yu.A. The category of voice in connection with other grammatical categories in Russian» GUSLI Working Papers of the Department of Slavic Languages, University of Goeteborg. 2002. No. 12.

Poupynin Yu.A. Interaction between Aspect and Voice in Russian. München-Newcastle: LINCOS Studies, 1999.

Maria D. Voeikova
ILS RAS — SPbSU
(Saint Petersburg, Russia)
maria.voeikova@gmail.com

ON THE MARKEDNESS OF RUSSIAN ASPECTUAL FORMS IN SUBJUNCTIVE

The semantic load of Russian aspectual forms in the indicative and in the imperative mood is distributed differently: while in the indicative the imperfective is considered to be an unmarked default form, in the imperative it acquires a range of extra semantic nuances, being more categorical, expressing that the action required should happen soon and may not be postponed, and signaling that the action is expected in a given situation or was discussed before. The aspectual characteristics of Russian verbs in the subjunctive depend on several factors and other verb categories. The article discusses one of those categories, namely, the *Aktionsart* of verbs. The nature of the hypothetical action has an impact on its verbal presentation in terms of its telicity. Thus, verbs of motion or change of state tend to be used in the perfective form, verbs of localization do not show any preference, whereas verbs of existence or state prefer the imperfective forms. These preferences are manifested not only in the percentage of certain forms but also by their semantic homogeneity and by the percentage of the most frequent verbs in the resulting sample. Numerous semantic shifts, and their use in non-prototypical meanings and in unnatural contexts are also characteristics of the non-preferred use of aspectual forms. The grade of aspectual preferences differs for semantic classes depending on their frequency and on the number of verbs in each class.

Keywords: Russian morphology, verbal aspect, subjunctive mood, markedness, singularity/plurality of action, telicity, limitativity, semantic class.

References

Benakkio R. *Vid i kategoriya vezhlivosti v slavyanskom imperative* [Aspect and the category of politeness in the Slavic imperative]. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010. (In Russ.)

Biryulin L. A. *Semantika i pragmatika russkogo imperativa* [Semantics and pragmatics of the Russian imperative]. Helsinki: Univ. of Helsinki, 1994. (In Russ.)